

ПРЕЛЮДИЯ

**ТРИ ПОРТРЕТА
НАКАНУНЕ
РОЖДЕСТВА**

1945 ГОД

В гостиной было тесно. Комната была слишком мала для матери, трёх её детей и кривой ветви, спиленной старшим сыном взамен рождественской ели. Всюду, куда бы он ни повернулся, Феликс Вольф наткался на еловые иглы, мишуру и лица семьи. Дети с нетерпением смотрели на три скромных подарка под длинной и тонкой ветвью, дожидаясь разрешения матери.

— Только не порвите упаковочную бумагу, — напомнила она. — Нужно оставить её на следующий раз.

Мартин, как самый старший, пошёл первым. Свёрток с его подарком был самым маленьким и скрывал в себе поношенные карманные часы. Свой подарок Феликс открывал нежно, осторожно разворачивая уголки и разглаживая складки, чтобы отыскать игрушечную машинку. Не новую — с вмятиной на правой дверце и парой царапин на красной краске, — но Феликсу это было не важно. Как когда-то сказал его учитель: новые игрушки — это эгоизм, на них тратятся ресурсы, необходимые фюреру для победы в войне. Металл нужен для маузеров и пуль, а не для детских игр.

Адель порвала края упаковки. Внутри лежала кукла с жёлтыми волосами из ниток и синими пуговицами глаз со старой шёлковой блузки матери. Платье было сделано из обрезков её кобальтовой ткани, заботливо сшито маленькими узкими стежками.

Феликс сразу понял — в то самое мгновение, когда сестра замерла и уставилась на подарок, — что она расстроилась. Он всегда понимал подобные вещи.

— Я сшила ей и другие платья, — сказала мама. — Можешь каждый день менять ей наряды. И я научу тебя заплетать ей волосы в косы.

Косички самой Адель хлестнули по щекам, когда она замотала головой и оттолкнула коробку.

— *Не хочу* куклу! Почему мне нельзя машинку, как у Феликса?

Мать сжала губы. Глаза её заблестели, как бывало порой, когда она читала письма отца с фронта. От этой картины у Феликса сдавило внутренности.

— Вот. — Он подтолкнул к сестре свой подарок. — Можешь играть с моей.

Глаза Адель загорелись, она схватила машинку и принялась изображать рёв мотора, катая её по полу. Мартин увлечённо заводил часы. Феликс не совсем понимал, чем ему заняться теперь, без машинки. Но, по крайней мере, мама вновь улыбнулась и вытерла глаза, наблюдая за играющими детьми.

— Есть ещё один подарок, — объявила она.

Все трое замерли. Феликс посмотрел под «деревом», но других свёртков там не было. Вдруг им дадут апельсины? *А может быть*, маме удалось отложить немного продуктов и испечь имбирных пряников!

Мама прошла в другой конец комнаты, словно в танце огибая мятую бумагу, ноги и руки своих детей и брошенные игрушки. Она остановилась у двери в спальню и взялась за ручку. Феликс давно уже не видел такой широкой улыбки на её лице.

Дверь открылась. За порогом спальни, раскинув руки, стоял их отец. Он всё ещё был одет в военную форму, армейское кепи съехало с выгоревших на солн-

це волос, когда он опустился на колени, приветствуя детей.

Адель первой влетела в его объятия с восторженным криком «*Papa!*». Мартин — с собственными карманными часами, почти уже взрослый мужчина — попытался спрятать волнение за крепким рукопожатием. Феликс помедлил, наблюдая за воссоединением семьи: широко улыбающаяся мама, папа, поймавший в свои медвежьи объятия Адель и Мартина, который не особо и упирался. Сердце Феликса согрелось при виде этой картины, запылало ярче, чем угольки в печи.

Ему хотелось поймать мгновение, навсегда сохранить это чувство.

— Феликс! Мой мальчик! — улыбнулся отец. Даже с двумя детьми в объятиях, ему хватило рук, чтобы потянуться за сыном. — Ты присматривал за ними? Оберегал от бед?

Феликс кивнул, тоже обнимая папу.

Отец рассказал, что вернулся домой насовсем. Война на Восточном фронте затухала, и его присутствие в армии теперь не требовалось. Больше им не придётся прощаться.

Больше никаких прощаний. Тепло в груди Феликса вспыхнуло с новой силой. После многих лет писем с фронта — и постоянного страха, что в следующем будет известие о смерти отца — семья Вольф наконец-то воссоединилась.

Отец Луки был дома уже много месяцев, всё стараниями артиллерийского снаряда, который оторвал ему левую руку. В Крадшутцен, элитных мотоциклетных войсках, сыгравших ключевую роль в атаке на российский фронт, безруким водителям места не было, так что Курт Лёве был сослан обратно в Германию с серебряной медалью «За ранение» и Железным крестом второй степени. Шрамы и медали — знаки героя войны. Лука был от них в восторге.

Встреча не принесла ни объятий, ни улыбок, лишь суровый кивок со стороны отца. Позже мама Луки пояснила, что отец просто устал. (В конце концов, он шесть лет провёл на фронте). Ему всего лишь нужен отдых.

И он отдыхал. Целыми часами и даже днями сидел на стуле, бессмысленно уставившись на портрет фюрера, висящий над камином. Когда отец говорил, он не спрашивал, как дела у Луки в школе, не хвалил стряпню жены, он только вспоминал о войне. Рассказывал о бесконечных заснеженных километрах, которые преодолел на мотоцикле. О перестрелках, через которые прошёл вместе с однополчанами. Сколько советских солдат он убил или ранил. Всё во благо *«его фюрера»*.

Курт Лёве отдыхал долгими месяцами, но обещанных матерью объятий и улыбок так и не было. Даже в канун Рождества.

Члены семьи Лёве сидели вокруг маленького стола и молча ели жареного карпа. Повисшая тишина была

не радостной или священной, как во время церковной службы, а напряжённой — полной скрежета челюстей и звона вилок. Она вынуждала Луку ёрзать на стуле.

— Хватит крутиться, — пророкотал отец с противоположного конца стола.

Мать кинула на Луку многозначительный взгляд. Мальчик замер. Ему казалось, будто он сидит на хрупкой яичной скорлупе. Словно что-то вот-вот должно сломаться...

Отец вилкой разрывал тушку карпа на маленькие аккуратные кусочки.

— Когда на фронте мы ходили в ночные патрули, приходилось быть тихими, что призраки. Двигаться без единого звука. Нам *приходилось*, иначе бы подстрелили.

Мать прочистила горло.

— Курт, я не уверена, что о таком стоит говорить за столом...

— Стоит говорить? — отец Луки ударил кулаком по столу. В руке он всё ещё сжимал вилку, острые зубцы её смотрели в потолок, изодранный кусок рыбы свисал с металла. — Потерять *чёртову* руку во благо Отечества, вот что даёт мне право говорить за столом о чём угодно.

Жена ему не ответила. Вместо этого она отложила вилку и посмотрела на Луку: «Не хочешь открыть подарок?»

Лука кивнул, выпрямляясь на стуле. Он несколько недель ждал этого момента. Велосипед (блестящий и красный) был его самым заветным желанием. Франц Гросс иногда позволял Луке покататься на своём. Мальчишки по очереди изображали из себя мотоциклистов Крадшутцен, воображаемые двигатели ревели,

когда они штурмовали линию обороны невидимых коммунистов.

— Твой подарок за рождественским календарём, — сказала мама. — Сходи и принеси его!

В этом году у них не было ели, зато мать поставила на каминной полке рождественский календарь. Большая часть его двадцати четырёх бумажных дверок была открыта, являя взгляду нарисованную мамой сцену Рождества: Мария, Иосиф и малыш Иисус в хлеву, окружённые любопытными животными и охапками сена. Голубоглазые ангелы парят над Святым семейством. Над ними висит сияющая звезда. А над звездой...

С портрета смотрело увековеченное лицо фюрера, его нарисованные глаза следили за Лукой, когда тот бежал к камину за подарком. Коробка была слишком мала для велосипеда, завёрнута в старый газетный лист. Старые заголовки рассказывали о продвижении Вермахта по территории России, о предстоящей неоспоримой победе Рейха. Прямо поверх свёртка растянулась фотография фюрера, выступающего с речью о будущем Нового порядка. Лука разорвал её и нашёл под газетой новую пару обуви и игрушечный пистолет. Он устремил взгляд на подарки, разочарование горечью стояло в горле.

— Что скажешь, Лука? — Отец проследовал за ним в гостиную, молча наблюдая за всем происходящим.

— Знаю, ты хотел велосипед... — донёсся от двери ласковый голос матери, — но тот, что продаётся в магазине господина Калера, слишком дорогой. Может, в следующем году, когда война закончится.

Никакого велосипеда. После недель, месяцев, лет ожидания по-прежнему никакого велосипеда. Горло Луки сдавили слёзы.

— Зачем тебе велосипед? — спросил отец. Его рука рассеянно потянулась к Железному кресту на петлице мундира. — В школу ты ходишь пешком.

— Я... я хочу играть в Крадшутцен с Францем. — Стоило словам сорваться с губ, как Луке захотелось забрать их обратно. Но они вырвались на волю вместе со слезами, окутав гостиную.

— Играть? — Лицо отца стало жёстким. Его глаза напомнили Луке о висящей над камином картине. Голубые и безжизненные. — Ты хочешь *играть* в Крадшутцен?

— Я хочу быть как ты.

Одним молниеносным движением отец отбросил Железный крест и схватил мальчишку за воротник. Нина прижалась к косяку, когда муж протащил сына мимо неё — в кухню и прочь из дома.

Вечер был снежный. Под кружащими хлопьями они вышли на улицу. Пальцы плотно сжимали воротник сына, когда отец остановился прямо посреди растущего сугроба.

— Хочешь быть как я? Ты даже посчитать не сможешь, сколько ночей я провёл, которые были куда холоднее сегодняшней. Сидел, свернувшись в *грёбаном* окопе, пока коммунисты пытались проделать дыру в моём черепе. Думаешь, я тогда распускал сопли?

Лука покачал головой. Слез стало больше, капли растекались по ресницам.

— Не показывай эмоций. — Курт Лёве грубо тряхнул сына. — Ни за что не показывай эмоций. Слезы — слабость. Мой сын никогда не будет *слабаком*. Остаешься стоять здесь, пока не перестанешь ныть.

Лука пытался, но рыдания только сильнее сдавливали горло. Оброненные слёзы начали колоть щёки: обжигающий холод.

Мать дрожала, стоя босиком на пороге, сама уже готовая расплакаться: «Курт! Он замёрзнет!»

— Ты позволила нашему сыну вырасти мягкотелым и неблагодарным, Нина. Забила ему голову искусством и волшебным... *Дерьмо!* Если я смог выдержать в снегах целую зиму, меньшее, что может сделать он, это десять минут простоять среди метели.

— На тебе была форма! А у Луки нет даже пальто.

Курт Лёве вновь посмотрел на сына: сжался в комок, стучит зубами, по голень провалился в сугроб. Мужчина шагнул в дом и спустя мгновение вернулся с коричневой кожаной мотоциклетной курткой, которую носил до войны, и своим солдатским жетоном. Обе вещи он впихнул в руки Луке: «Вот, надень».

Куртка была слишком большой для мальчика; рукава полностью закрывали пальцы Луки и опускались в снег. Цепочка жетона свисала до самого пупка.

— Юноши Германии должны быть сильными. Крепкими, как кожа, жёсткими, как сталь. — Отец по очереди указал на куртку и на жетон. — Держись. Не стучись в эту дверь, пока слёзы не сойдут с твоего лица.

Курт Лёве промаршировал обратно к дому, единственная его рука рассекала снегопад, подобно лезвию, петлёй обвила талию жены, поторапливая её зайти внутрь. Когда дверь захлопнулась, Лука попытался вытереть щёки огромным рукавом. Отец был прав. Кожа оказалась крепкой, слишком твёрдой, чтобы впитать слёзы.

Так что Лука стоял, смотря на свет в кухонном окне — на морозе, минуту за минутой, пока ноги не ооченели, а сердце не затвердело, — стоял и ждал, пока печаль не иссохнет сама по себе.

На подоконнике фермерской кухни стоял противень свежее испечённых имбирных пряников. По стеклу тянулась трещина всего в несколько сантиметров, но этого было достаточно, чтобы в помещение проникал прохладный воздух. Жар от выпечки тянулся наружу, разнося ароматы гвоздики, корицы и мелассы по заснеженному саду, прямо к амбару.

Яэль изо всех сил старалась не обращать внимания на запах. Она уже устроилась на ночь, укрывшись в колючих кипах сена. В амбаре было довольно тепло, а горстка овса, захваченная из лошадиных кормушек, помогла избавиться от терзающего голода.

Но имбирные пряники...

Яэль не могла припомнить, чтобы хоть раз за свои семь лет жизни ела что-нибудь вкуснее, чем обещал аромат этой сладости. Еда в гетто была скудной. В лагере — ещё и тухлой. (Кусочки кашеобразных гнилых овощей, заплесневелый хлеб). После того, как Яэль, изменив лицо и превратившись в дочку начальника лагеря, сбежала из-за заборов с колючей проволокой, питаться она стала значительно лучше. Всё лето леса были полны грибов и кустов ежевики. Осенью деревья в садах ломались от фруктов, фермерские жёны даже не замечали, что на границах их территорий пропадают яблоки. Сейчас, когда погода стала суровой, Яэль укрывалась на чердаках амбаров, подкрепляясь

лошадиным кормом и надеясь, что хозяева не заметят, как их питомцы начали есть за двоих, ни капли не прибавляя в весе.

В этом амбаре она пряталась уже неделю. Это был невероятно долгий период, но живущая в доме семья была слишком занята праздниками и не обращала внимания на признаки её присутствия. Яэль наблюдала за праздничной суетой с безопасного чердака. Украшение рождественской ели, пение песен, выпечка...

Она видела, как мать семейства замешивала тёмно-коричневое тесто для имбирных пряников. Одна из её белокурых дочерей (та самая, которая каждое утро пробиралась через двор по белоснежному снегу; чьё дыхание капельками оседало в воздухе, когда она напевала «Ночь тиха», доила корову и даже не представляла, что на чердаке подслушивает Яэль) ставила противень в духовку. Другая чистила картошку. Двух братья играли на кухонном столе в «Штерн Халма», китайские шашки — игру, полную смеха и толкотни.

Сейчас семья была в столовой, ужинала и ждала, пока пряники остынут. Когда Яэль смотрела на них, ей не хватало всего лишь набившего желудок овса. Ей хотелось оказаться в доме. Смеющейся, наевшейся и не одинокой.

Что, конечно, было невозможно.

Яэль — не одна из них. И никогда не смогла бы ей стать.

Зато она *может* стянуть кусочек имбирного пряника.

Дойная корова лениво промычала в знак приветствия, когда Яэль слезла с чердака. Прежде чем выйти из амбара, она убедилась, что рукав свитера опущен и закрывает выбитый на руке номер. Её волосы, хоть и были спутаны, золотились, как солома. Глаза были

наглыми и голубыми. Никто не поймёт, кто она на самом деле.

Снег падал достаточно густо, чтобы спрятать следы короткого пути Яэль до окошка кухни и обратно. Через пару минут не останется даже намёка на то, что она была здесь. Лишь трещина в окне и пустой противень.

Яэль скользнула через сад, не обращая внимания на снег, жалящий сквозь тонкие туфли. Запах пряников теперь стал насыщенней, а смех — громче. Она слышала, как мальчишка рассказывает шутку — что-то о разговаривающих коровах на велосипедах. Младшая из сестёр смеялась так громко, что начала похрюкивать.

Яэль съёжилась под окном, протянув голодные пальцы к противню.

— И тут первая корова поворачивается ко второй и говорит...

— АЙ!

Яэль, всегда такая тихая, такая осторожная, не подумала, что пышущий жаром противень означает, что металл ещё горячий. Она зажала рот ладонью, но было уже слишком поздно. Младшая сестра перестала смеяться. Пять стульев скрипнули по полу, когда вся семья поднялась из-за стола.

— Что это было?

— Эрик, — обратилась мать к одному из мальчишек, — неси ружьё.

Яэль сорвалась с места, ринувшись через поле, оставляя за собой вереницу следов. Дверь дома со скрипом распахнулась. Яэль не останавливалась. Не оглядывалась. И это к лучшему, потому что...

БА-БАХ.

*Ночь тиха, ночь свята.
Дремлет всё, лишь не спит
В выстрелах ружей на ферме чета...*

Она — не одна из них. И никогда бы не смогла ей стать.

Яэль нельзя было возвращаться в амбар (коровий шутник Эрик, всегда гордый схватиться за ружьё, пойдёт по следам и найдёт её там), так что она сделала то же, что и всегда.

Продолжила бежать.

ЧАСТЬ I

ИСХОД

ГЛАВА 1

---

2 АПРЕЛЯ 1956 ГОДА

Вечер Луки Лёве начался на многообещающей ноте. Самый могущественный человек в мире устраивал приём в его честь в Императорском дворце в Токио. Воздух пронзали тосты, поднимались бокалы с шампанским, имя Луки слетало с уст высшего руководства Третьего Рейха только вместе с похвалой. Сам фюрер предложил Луке должность и назвал его «прекрасным примером арийского идеала».

Комплимент был заслуженным. Он выиграл Гонку Оси, межконтинентальную мотогонку из Германии в Токио. Дважды. Приключение длиной в 20780 километров, полное песчаных бурь, диверсий и секретов. Два Железных креста первой степени висели на шее Луки, обозначая его двукратную победу. Дважды лучший из лучших.

Так почему же сейчас он стоит вдали от шума приёма, вглядывается в высокие окна и ощущает себя *дерьмом* под чужими ногами?

Должно быть, всё из-за острой боли в груди, рядом с постоянно сокращающейся мышцей, которую большинство людей называют сердцем. Из-за фройляйн в кимоно с алым узором ветвей, той самой, что пару

мгновений назад танцевала в его объятиях. Той, которая прямо сказала ему: «Я не люблю тебя. И никогда не полюблю».

Адель Вольф. Фройляйн, не похожая на других. Не многие дамы решаются использовать личность собственного брата-близнеца, чтобы пробраться на гонку «только для мужчин». Ещё меньше девушек смогли украсть его сердце так *эффектно*. Не один, а целых два раза.

Каким же *чёртовым* дураком он был. Стоило усвоить урок уже после Осаки. После того, как Адель растоптала его сердце, разбила ему голову и выиграла гонку. К чести Луки (совсем маленькой), он не желал вновь влюбляться в Адель. Лука вступил в Гонку Оси 1956 года ради единственной цели — мести.

Его план был прост: наблюдать за Адель Вольф подобно ястребу. Притвориться, что до сих пор влюблён в неё. Завоевать доверие, сотрудничество, сердце — и закрепить поцелуем (который оказался бы пропитан снотворным, что вырубил бы её на несколько часов и подарило бы ему неоспоримое лидерство, очередную победу).

Поначалу всё шло по плану. Он следил за Адель сквозь пелену дождя на Олимпийском стадионе в Германии. Наблюдал, как она сидит у огня на контрольно-пропускном пункте в Праге. Смотрел, как ест спагетти в Риме. Он следил за каждым её действием и пришёл к единственному выводу.

Адель Вольф изменилась.

Внешне она осталась прежней: светлые, как снег, волосы, глаза цвета далёкого зимнего неба. Но казалось, в старой фройляйн появились новые глубины. Она беспокоилась о том, о чём даже не думала раньше. Спрашивала о том, что случилось с Хираку после

аварии. Слишком близко к сердцу приняла случайную смерть Кацуо. Адель даже спасла его собственную *проклятую* жизнь.

Всё было очень, очень запутано.

Чем дальше Лука наблюдал за ней, тем лучше понимал, что в плане имеется один просчёт... Он не может *притвориться*, что всё ещё любит Адель Вольф, потому что он действительно её любил. (Из правды не получится хорошей лжи, не так ли?)

Лука даже не был уверен, когда это случилось. По пути из Германии, когда он играл со смертью и жёг резину, а Адель непоколебимо смотрела вперёд? Посреди пустыни, когда она назвала его сигареты *дерьмом*, но всё равно продолжила курить? В лагере партизан, когда не позволила ему стать мишенью для советских пуль? В поезде, где поцелуй, призванный лишь подразнить, стал слишком реальным?

Как бы слащаво это ни звучало, Лука решил, что виной всему именно поцелуй. Когда их губы встретились, он уже прекрасно знал, что снова запал на фройляйн. Влюбилс я. *Чёрт*, он любит её. Это было болезненное, бритвенно-острое чувство. Чувство, которое вспыхнуло в душе подобно фениксу — рождённое из пепла и пылающее, гораздо более сильное, чем было раньше.

Он даже задумался — всего на мгновение — завершить гонку честно: лишь он и Адель, и рёв двигателей их Цюндапшов. Но гордость Луки была слишком раздута, слишком уязвлена, чтобы на пути ко второй победе довериться случаю. Да, Адель украла его сердце, но также и победу. Только когда они будут квиты — сердце за сердце, победа за победу, — они смогут быть вместе. Поэтому Лука смазал губы наркотиком и поцеловал её во второй раз. И каждое мгновение их поцелуя было

правдой. (Оказалось, из правды всё же выходит самая лучшая ложь).

Лука Лёве выиграл гонку, но Адель всё равно удалось его победить.

Адель Вольф. Девушка, которая не любила Луку. И никогда не полюбит.

И вот он здесь, сбежал с *проклятого* бала в свою честь. Кожа его старой куртки протёрлась. Стала мягкой. Сталь отцовского жетона казалась тонкой, как жестянка, и лёгкой, почти незаметной на фоне тяжести чувств в груди.

Лука мог видеть Адель в окне бального зала. Особый вид пытки — смотреть, как она танцует с фюрером. Станный голодный взгляд промелькнул в глазах Адель, когда в ритме вальса могущественнейший человек в мире подвёл её ближе к окну. Искреннее, концентрированное чувство. Подобное любви...

Или ненависти.

Лука не был уверен, что сможет теперь назвать хоть одно различие между ними.

Он оторвал взгляд от окна, роясь в карманах в поисках оставшихся сигарет и почти пустого спичечного коробка. Зажал сигарету в зубах, чиркнув последней спичкой. Первая попытка закончилась неудачей. Как и втора я. Третья попытка вырвала спичку из пальцев, отправив её в полёт на гравий садовой дорожки Императорского дворца.

Лука как раз наклонился за ней, когда сквозь стекло услышал обрывки слов Адель: «Я [слова]. Я [слова, слова, слова]. Я [слова] смерть».

Смерть? О чём это она? Наверное, рассказывает фюреру, что до смерти в него влюблена. Как и все робкие душонки в этом...

БУМ.

Лука вскинул голову и увидел, как падает фюрер. Грудную клетку мужчины словно вывернули наизнанку. А над телом — левая рука вытянута, всё ещё сжимая пистолет — стояла Адель.

Она подхватила подол кимоно и обернулась, нацелив «Вальтер П-38» на окно. Дуло пистолета польхнуло; осколки стекла брызнули по сторонам. Лука упал, распластавшись на земле.

Адель пролетела мимо — вспышка бирюзовой и алой ткани, светлых волос и блеска пистолета, — оставляя позади грохот выстрелов, крики, осколки стекла и мёртвое, изломанное тело.

Адель Вольф застрелила фюрера.

Это *снова* происходит. Как во время митинга на Площади Величия, перед зданием старого Рейхстага. Крики и кровь, и тело Адольфа Гитлера на полу... Только на этот раз, вдруг понял Лука, виноват он. В конце концов, Адель Вольф оказалась на Балу Победителя лишь потому, что Луке хватило глупости её пригласить. Когда эсэсовцы начнут восстанавливать картину вечера, его имя окажется первым в списке подозреваемых. Его обвинят в предательстве, в сотрудничестве... обвинение, от которого не спасёт даже Двойной крест.

И хоть Лука не собирался ронять слёз по умершему фюреру, утонуть в собственной крови после долгих попыток тоже не входило в его планы. Единственному человеку было под силу вернуть ему доброе имя, и он сейчас убегал. Адель мчалась так быстро, словно по пятам за ней следовали все демоны Ада.

Но их не было. По крайней мере, пока. Взгляд в сторону бального зала доказал Луке: СС и Имперская гвардия до сих пор копошились в россыпи стеклянных

осколков на окровавленных плитах пола. От окна их отделяло несколько долгих секунд.

Он был единственным охотником.

Лука вскочил на ноги. Кресты зазвенели, столкнувшись, когда он рванул по гравию, успев обогнуть заросли кипарисов как раз вовремя, чтобы увидеть, как фройляйн скидывает кимоно у фонарного столба и путает след. Молочная кожа, нижнее бельё, нервные движения я. Она сделала четыре решительных шага по дорожке и перескочила через живую изгородь.

Кимоно мятой кучей валялось у фонаря я. Его Лука оставил для эсэсовцев. Пусть они отвлекутся и идут по ложному следу. А ему нужно поймать Адель раньше.

Неосвещённая фонарями часть сада оказалась кладбищем теней: похожие на колокола громады валунов, дикая листва, нежная нимфа вместо знакомой девушки. Когда Лука заметил её, он замедлил шаг и крадучись подобрался к живой изгороди. По его подсчётам, в обойме пистолета Адель осталось ещё шесть патронов. Не стоит попадаться ей на глаза, чтобы словить пулю.

Фройляйн склонилась над кустами и достала из листвы рюкзак. Она тяжело дышала, вытягивая из его недр чёрные вещи и надевая их на себя я. Лука задержал дыхание, подбираясь ближе. Когда глаза привыкли к темноте, он начал подмечать ранее упущенные детали.

На предплечье у неё была повязка. Должно быть, марля зацепилась за осколки стекла, так как ослабла у локтя, начиная всё быстрее и быстрее разматываться, пока Адель торопливо одевалась. Кожа под повязкой была покрыта чёрным. Сначала Лука решил, что это запёкшаяся кровь, но чем дольше он всматривался в черноту, тем яснее понимал: у неё есть форма. Линии

перетекали и складывались в чёткие силуэты. Хвосты, лапы, клыки...

Волки. Вытатуированные на руке Адель. Чернильных фигур определённо не было на её коже в прошлом году. Они исчезли, когда Адель накинула куртку и наклонилась, чтобы зашнуровать ботинки.

Эсэсовцы, скорее всего, уже нашли кимоно и разослали вооружённых солдат по всему саду. Лука должен действовать быстрее. Он подобрался достаточно близко. Понадобится всего секунда, чтобы выскочить из укрытия и вырубить Адель.

Лука уже напряг все мышцы, готовясь к рывку, когда произошло невероятное.

Адель Вольф превратилась... в не-Адель.

Её светлые шелковистые волосы стали менять цвет, от корня и ниже, пока не стали полностью чёрными. Голубизна исчезла из глаз, радужка стала такой тёмной, что почти сливалась со зрачком. Даже форма лица изменилась — из вытянутой и овальной, как у Адель, став типично японской.

Если бы Лука собственными глазами не видел перевоплощение, то сказал бы, что такое невозможно. Даже сейчас, *увидев*, он всё равно не мог поверить. Может, он упал и ударился головой, когда искал потерянную спичку? И всё это — какая-то странная фантазия о мести, а сам Лука валяется без сознания на гравии садовой дорожки, пока Адель счастливо танцует в объятиях фюрера.

Такой вариант был бы гораздо логичней.

Но нет. Всё слишком реально. Всего в нескольких метрах прозвучали громкие приказы на немецком. Не-Адель закинула рюкзак за спину и двинулась в противоположную от Луки сторону.

Операция «Спасти шкуру и вернуть доброе имя» приняла неожиданный поворот.

Что ему теперь делать? Бежать за этой японкой и втолковывать членам СС, что она сменила тело? Остаться здесь и надеяться, что они поверят бредовой истории, не попытавшись под пытками вытянуть из него более приглядную правду? С тем же успехом Лука мог сам достать Люгер. Сэкономить солдатам пулю. Избавить себя от мира, полного боли.

Крики телохранителей фюрера резали по ушам, когда они подошли ближе. Дважды Победоносный — мальчик с плакатов об истинных арийцах, герой Третьего рейха — поднялся, взгляд его заострился, провожая исчезающую фигуру не-Адель. Он сосредоточился на скрывающей её темноте и побежал.